

способовъ къ освобожденію отъ зависимости отъ силъ небесныхъ и земныхъ, усвоило лишь гордый взглядъ на матерію и природу, уча, по ветхозавѣтному, не поклоняться ничему, что на небѣ и на землѣ. Иногда же христіанство не признавало эти силы только бездушными, слѣпыми, какъ бы это слѣдовало, и поступало уже совсѣмъ не по христіански, считая ихъ за демоновъ, чѣмъ и узаконяло невѣжество. Признавъ въ силахъ природы демоновъ, и въ этомъ оставаясь языческимъ, христіанство считало нужнымъ бороться съ ними, и въ этомъ было истиннымъ христіанствомъ; но боролось оно съ ними лишь знаками, символами (какъ напр. крестное знаменіе), въ которыхъ признавало магическую силу. Нынѣшнее христіанство, отвергнувъ (по крайней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ) демоновъ, этимъ возвратилось къ христіанству; но въ то же время оно признало господство надъ человѣкомъ естественныхъ силъ законнымъ, и этимъ опять стало языческимъ.—Наставленія апостоламъ,—составляющія главную часть Евангелія,—чтобы не оставаясь мертвыми, должны быть расширяемы по мѣрѣ расширенія круга дѣйствія, тогда расширится и самый смыслъ слова „*научите*“, такъ что повсемѣстное основаніе обсерваторій и тому подобныхъ учреждений будетъ способомъ этого „*научите*“, войдетъ въ программу христіанскаго наученія; войдутъ въ программу этого наученія и всѣ науки, всѣ искусства; нѣтъ такого знанія, нѣтъ такой отрасли искусства, которыя не вошли бы въ христіанское наученіе, ведущее всѣхъ къ единому общему дѣлу всеобщаго спасенія отъ грѣха и неразрывно связанной со грѣхомъ смерти. И только такимъ путемъ христіанство изъ пассивнаго ожиданія страшнаго суда и всеобщей гибели, какимъ оно стало нынѣ, обратится въ дѣятельное.—*всѣ дѣла Спасенія отъ всеобщей гибели*; только при этомъ христіанство не будетъ лишь отрицательно относиться къ наукѣ и искусству, т. е. ко всему чѣмъ только и красна наша жизнь, а обратитъ ихъ въ свои наилучшія, наивѣрнѣйшія средства, орудія для достиженія цѣли, для устроенія Царствія Божія. И наука тогда займетъ настоящее, принадлежащее ей по праву мѣсто, не будетъ задаваться неразрѣшимыми и ненужными вопросами о томъ, *почему сущее существуетъ*, перестанетъ исповѣдовать культъ „*наука для науки*“, „*искусство для искусства*.“ Когда христіанство будетъ дѣломъ спасенія отъ смерти, дѣломъ воскрешенія,—что стало и цѣлью человѣка со смертью уже одного изъ насъ, съ первою жертвою, поглашенной смертію,—тогда и науки станутъ орудіями осуществленія этого дѣла, изысканіемъ путей, способовъ, а искусства самими способами осуществленія дѣла воскрешенія. Призванная же къ несвойственной ей роли разрѣшенія вопроса о смыслѣ и цѣли—наука и даетъ единственно возможный для нея (въ особенности при настоящемъ, еще зачаточномъ, можно сказать, ея состояніи) отрицательный отвѣтъ,—что нѣтъ ни цѣли, ни смысла. Согласно такому отрицательному выводу науки и все наше образованіе, наше просвѣщеніе ведетъ къ признанію, что жизнь не имѣетъ ни смысла, ни цѣли, что весь міръ явился невѣдомо зачѣмъ, такъ же и исчезнетъ, какъ явился, и нѣтъ никакихъ средствъ, никакихъ способовъ предотвратить исчезновеніе, гибель міра; никогда такихъ средствъ и не будетъ, утверждаютъ тѣ, которые учатъ, будто весь міръ, все видимое, всѣ эти чудеса